

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Научная статья

УДК 343.2

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).2.358-366

ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЕГО МЕЖОТРАСЛЕВОЙ СОГЛАСОВАННОСТИ

Константин Антонович Сыч¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, vladimir_1@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы принципов уголовного права и их согласованности с другими отраслями права, которая стала особенно заметной в связи с реализацией бланкетных диспозиций, которые определяют содержание отдельных преступлений, например, в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: принципы, законность, межотраслевые принципы, конституционные принципы, уголовно-правовые принципы, источник права, бланкетные диспозиции, согласованность норм

Для цитирования

Сыч К. А. Принцип законности в уголовном праве в связи с проблемой его межотраслевой согласованности // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 3. С. 358–366. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).3.358-366.

SCIENCE FORUM

Original article

THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL LAW IN CONNECTION WITH THE PROBLEM OF ITS INTERSECTORAL CONSISTENCY

Konstantin Antonovich Sych¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, vladimir_1@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the principles of criminal law and their consistency with other branches of law. This has become a particularly noticeable problem in connection with the implementation of blank dispositions that determine the content of individual crimes, for example, in the field of economic activity.

Keywords: principles, legality, intersectoral principles, constitutional principles, criminal law principles, source of law, blank dispositions, consistency of norms

For citation

Sych, K. A. 2025, 'The principle of legality in criminal law in connection with the problem of its intersectoral consistency', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 3, pp. 358–366, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).3.358-366.

В настоящее время определенную проблему составляет согласованность норм материального и процессуального права в плане использования понятийного аппарата и правовых терминов (уголовная ответственность, уголовное преследование).

В науке уголовного права проблема принципов остается предметом дискуссии преимущественно по нескольким направлениям: соотношение специальных уголовно-правовых (отраслевых) и общеправовых принципов; отраслевых и межотраслевых принципов; определение содержания отдельных принципов уголовного права. В этом контексте трудно согласиться с авторами, которые полагают, что проблема принципов уголовного права является решенной, поскольку УК РФ 1996 г. впервые в истории уголовного законодательства закрепил определенный перечень отраслевых принципов [1, с. 16]. Тем не менее законодательное закрепление принципов (ст. 3–8 УК РФ) не только не решило рассматриваемой проблемы, но и еще в большей степени усложнило ее. Не совсем ясной является мысль законодателя относительно предметной направленности этих принципов: относятся они к статическому или динамическому аспектам функционирования уголовного права? Является ли отмеченный перечень исчерпывающим и какое юридическое значение он имеет? Несомненно, что в тех отраслях права, где аналогия закона и даже аналогия права, например, в гражданском праве, являются допустимыми в правоприменительной практике, законодательный перечень принципов выполняет конструктивную роль. Как известно, аналогия закона в уголовном праве не допускается (ч. 2 ст. 3 УК РФ). К тому же следует отметить, что в юридической литературе нет единства мнений относительно законодательного закрепления принципов уголовного права,

хотя мы не разделяем устоявшуюся позицию, что законодательный перечень фундаментальных принципов уголовного права позволяет осуществлять общественный контроль над правотворческой и правоприменительной практикой. Как отмечали С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев, уголовно-правовые принципы являются основополагающими, исходными предписаниями и обязательны для законодателя, правоприменительных органов и граждан в сфере борьбы с преступностью [2, с. 23].

Принцип законности, закрепленный в ст. 54 Конституции РФ, определяет, что «никто не может нести ответственности за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением». Это важнейшее положение конституционного принципа не нашло своего отражения в отраслевом принципе, закрепленном в ст. 3 УК РФ. В ч. 1 ст. 3 УК РФ основное содержание принципа законности сводится к тому, что преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются настоящим Кодексом. В ч. 2 ст. 3 УК РФ содержится прямой запрет на применение аналогии как выход за пределы закона. Необходимо отметить, что формальный запрет на применение аналогии в советском уголовном законодательстве был введен только в 1958 г. (Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик), хотя фактически аналогию уголовного закона можно было проследить на примере ст. 13 УК РСФСР 1960 г., которая применялась в случаях, связанных не только с необходимой обороной, но с задержанием лица, совершившего преступление.

Принципы уголовного права, таким образом, являются прямым отражением требований конституционных принципов, которые должны быть конкретизированы в тексте уголовного закона с учетом специфических отраслевых особенностей. В контексте действия принципа законности лежит вопрос о месте судебного прецедента в уголовном праве. В зарубежном европейском праве, не только англо-саксонской, но и романо-германской системы права, например, Дании, Испании, Швейцарии, судебный прецедент признается в качестве источника уголовного права. В российском уголовном праве официально не признан судебный прецедент в качестве источника уголовного права. Напротив, ч. 1 ст. 3 УК РФ прямо предписывает, что преступность деяния, так же как его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, определяются только уголовным законом. Следует отметить, что в теории российского уголовного права судебную практику традиционно не относят к источнику права. Возрастающая роль кассационного прецедента, увеличение числа опубликованных обзоров Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам свидетельствуют о том, что судебная практика в известной мере является вспомогательным источником уголовного права, который не посягает на базовый принцип господства закона и не превращает судью в законодателя [3, с. 402]. Профессор А. А. Малиновский на основе анализа зарубежной и российской судебной практики пришел к выводу о том, что судебный прецедент играет значительную роль в правовом регулировании, и называет его не чем иным, как «доработкой» судом законодательной работы парламента [4, с. 47].

Сторонники судебного прецедента как источника права приводят пример, как Кассационный суд Франции в 1958 г. своим решением признал крайнюю необходимость обстоятельством, которое освобождает от уголовной ответственности. Этот пример красноречиво указывает, что судебный прецедент играет важную роль в судебной практике. Некоторые российские криминалисты выступают за признание судебного прецедента источником права. В частности, А. В. Наумов высказал суждение, что в России роль судебного прецедента будет возрастать, суды получают право официально ссылаться

на решения Верховного Суда по конкретным делам как на прецедент толкования уголовно-правовой нормы [5, с. 550].

Судебный прецедент создается, как известно, судом. Он применяется при решении конкретного дела, содержит в себе правовую норму, в результате чего нижестоящие суды ссылаются на него в своих последующих решениях [6, с. 54]. В этом состоит его отличие от судебного толкования.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что перечень принципов действующего уголовного законодательства (ст. 3–8 УК РФ) не является исчерпывающим: принцип законности, принцип равенства граждан перед законом, принцип вины, принцип справедливости, принцип гуманизма, принцип оснований уголовной ответственности. Кроме того, из содержания перечисленных принципов трудно определить их целевую принадлежность. В действующем УК РФ они закреплены в универсальной форме, то есть могут относиться, по замыслу законодателя, к различным уровням функционирования уголовного закона: к вопросам уголовно-правовой квалификации, назначения наказания или освобождения от уголовной ответственности или наказания. Однако при ближайшем рассмотрении становится вполне очевидным, что содержание отмеченных принципов нуждается в существенном уточнении.

Императивное требование ч. 1 ст. 3 УК РФ устанавливает, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом. Однако законодатель не учел ряд существенных обстоятельств, например, источники бланкетных норм. В этом отношении представляет научный интерес определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июля 2003 г. № 207-О, которое прямо указывает, что «декриминализация тех или иных деяний может осуществляться не только путем внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены нормативных предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылали бланкетные нормы уголовного закона...»¹. Из этого положения следует, что источники бланкетных норм, в понимании Конституционного Суда Российской Федерации, имеют непосредственное отношение к вопросам криминализации или декриминализации общественно опасного деяния, наряду с уголовным законом. В. Д. Филимонов приводит интересный пример, когда оборот драгоценных металлов, драгоценных природных камней или жемчуга преступен, если в нарушение правил, установленных законодательством РФ, совершена любая сделка с указанными предметами, вне зависимости от ее размера, последствий и т. д., однако достаточно поменять эти правила, как автоматически изменится содержание нормы уголовного права и уголовно-правовых последствий [7, с. 81–82].

Большой интерес вызывает постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2014 г. № 18-П применительно к ч. 4 ст. 222 УК РФ, «поскольку часть четвертая статьи 222 УК Российской Федерации не определяет ни признаков предмета данного преступления, ни признаков незаконности сбыта холодного оружия, противоправность соответствующего деяния, сопряженного со сбытом конкретных предметов, относящихся к тому или иному виду холодного оружия, должна устанавливаться исходя

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 10 июля 2003 г. № 270-О // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2003. № 5.

из нормативных предписаний законодательных и подзаконных актов, предметом регулирования которых является порядок сделок с холодным оружием»¹. Из постановления следует, что преступность и наказуемость общественно опасного деяния определяются не только уголовным законом (ст. 3 УК РФ), но и иными нормативно-правовыми актами, регулирующими конкретные сферы общественных отношений, охраняемых уголовным законодательством.

В юридической литературе представлена позиция, согласно которой принцип законности необходимо изменить таким образом, чтобы он охватывал в качестве источников уголовного права, помимо УК РФ, иные законодательные акты, определяющие преступность деяния и его уголовно-правовые последствия [8]. Действительно, принцип законности, закрепленный в ч. 1 ст. 3 УК РФ, не в полной мере охватывает случаи бланкетных диспозиций норм уголовного закона. Особенно это характерно для преступлений в сфере экономической деятельности. Необходимо отметить, что при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности возникает потребность обращаться ко многим законодательным и подзаконным актам: Гражданский, Налоговый, Бюджетный кодексы, федеральные законы «О защите конкуренции», «О банках и банковской деятельности», «О валютном регулировании и валютном контроле» и др.

В юридической литературе были предложены разные варианты ее решения. Еще в 1996 г. Н. Ф. Кузнецова предлагала приводить в примечаниях к кодексу те нормы, к которым отсылает уголовно-правовая норма [9, с. 18]. Профессор Л. Д. Гаухман предлагал дополнять текст УК РФ специальным приложением, включающим в себя исчерпывающий перечень нормативных актов, положения которых составляют бланкетное содержание уголовно-правовых норм [10, с. 124].

Представляется, что отмеченные позиции авторов являются спорными и не в полной мере отражают реальное положение дел в рассматриваемой сфере. Сама постановка вопроса, что бланкетные диспозиции предполагают в качестве источника уголовного права нормативно-правовые акты других отраслей права, является, на наш взгляд, несостоятельной. Действительно, в ряде случаев диспозиции норм уголовного закона закреплены признаки объективной стороны конкретных преступлений с использованием понятийного аппарата других отраслей права. Например, в диспозиции объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, использован понятийный аппарат специального нормативно-правового акта – Правил дорожного движения Российской Федерации. Вполне очевидно, что уголовный закон, осуществляя охрану общественных отношений, относящихся к предмету ведения других отраслей права, заимствует их понятийный аппарат, который используется при квалификации преступления в этой сфере. Однако из этого не следует, что использованный материал этих отраслей права необходимо признавать источником уголовного закона. Обратим внимание в этом контексте на диспозицию ч. 1 ст. 264 УК РФ, которая сконструирована по принципу сложного моделирования, которое включает в себя деяние, связанное с нарушением Правил дорожного движения, и последствие в виде тяжкого вреда здоровью человека, причиненного по неосторожности. Изменение или отмена тех или иных пра-

¹ См.: По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 1, 3, 6, *, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н. В. Урюпиной : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 июня 2014 г. № 16-П // Рос. газ. 2014. 2 июля.

вил в регулировании дорожного движения не означает, что изменились основания уголовной ответственности за преступления против безопасности движения автомобильного транспорта. Уголовная ответственность в этом и в подобных случаях наступает, потому что это связано с причинением тяжкого вреда здоровью человека в результате совершения деяния с использованием транспортного средства, правомерность которого определяется правилами, установленными на транспорте, в нашем примере, на автомобильном транспорте.

Еще один аспект, связанный с принципом законности, можно рассмотреть на примере согласованности норм материального и процессуального уголовного права. Как известно, квалификация преступлений немыслима без норм процессуального права, поскольку представляет собой динамический процесс, осуществляемый в русле уголовно-процессуальных правоотношений. В целом же вопросы квалификации преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве представлены недостаточно полно. По-видимому, в этом кроется основная причина того, что процесс квалификации преступлений осуществляется на научно-прикладных основах. В этом контексте обращают на себя внимание положения ч. 1 ст. 73 УПК РФ, определяющие обстоятельства, подлежащие доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности или наказания; 8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления. В первом положении, подлежащем доказыванию (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), указывается на событие преступления, с уточнением некоторых признаков объективной стороны преступления, не указывая при этом на основной его признак – деяние (действие или бездействие). Между тем деяние (действие или бездействие) является основным признаком объективной стороны не только в материальных составах преступления, но в формальных и даже усеченных. Время, место, способ и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, для большинства преступлений являются только факультативными признаками их объективной стороны. Более того, совершенное лицом деяние (действие или бездействие), как известно, запускает механизм уголовно-правовой квалификации преступления по установлению и других элементов состава преступления. Главное, что должно подлежать доказыванию, – в совершенном деянии должны содержаться все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом (ст. 8 УК РФ). В отдельных положениях, подлежащих доказыванию, прослеживается некоторая «произвольность», например, п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния. Известно, что гл. 8 УК РФ называется «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». Остается без ответа вопрос о наказуемости деяния? Иными словами, это есть те доказательства, которые указывают на наличие или отсутствие признаков состава преступления в деянии лица, его совершившего. Другая часть этих обстоятельств, собранных в процессе предварительного расследования, должна относиться к вопросам назначения наказания или освобождения от уголовной ответственности.

На фоне рассмотрения согласованности норм материального и процессуального права более отчетливо высвечивается проблема освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК РФ). Действующий УПК РФ, как известно, не использует термин «уголовная ответственность» при реализации, например, ст. 76 УК РФ, закрепляющей основания освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением, подлежащие доказыванию, где отмеченные обстоятельства не в полной мере охватывают признаки состава преступления, о которых указывается в ст. 8 УК РФ. В частности, объект, предмет преступления, возраст уголовной ответственности и другие необходимые признаки состава преступления как материального основания уголовной ответственности не нашли своего отражения в этой норме уголовно-процессуального права.

В среде ученых-процессуалистов на протяжении веков ведется спор о характере истины, которая должна быть установлена в ходе расследования и судебного разбирательства дела [11, с. 51]. Применительно к проблеме нашего исследования представляет интерес позиция русского дореволюционного процессуалиста И. В. Михайловского, который отмечал, что «задачей всякого, а значит уголовного, суда должно быть не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической» [12, с. 93]. В юридической литературе, посвященной современным процессуальным проблемам истины, поднимаются спорные вопросы: является ли истина объективной (материальной) или носит характер истины формальной (юридической) [11, с. 51]. В связи с этим возникает вопрос: как соотносятся между собой, объективная истина и субъективное вменение как категории уголовного процесса и уголовного материального права? Единственной формой такого взаимодействия, на наш взгляд, является состав преступления. Стало быть, юридическая (формальная) истина является той истиной, которая связана с уголовной ответственностью и формами ее реализации. Большинство обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе судебного рассмотрения, должны касаться преимущественно вопросов уголовно-правовой квалификации. Диспозиция ст. 25 УПК РФ закрепляет, что «суд, а также следователь с согласия начальника следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред». Приведенные положения ст. 25 УПК РФ ставят несколько проблемных вопросов, связанных с определением правовой природы уголовной ответственности, ее оснований и форм реализации. Догматический анализ содержания ст. 8 УК РФ позволяет полагать, что основанием уголовной ответственности является деяние, которое содержит все признаки состава преступления, доказанные в судебном порядке. На стадии досудебного производства по уголовному делу речь не идет о наличии в деянии лица состава преступления, а потому необходимых юридических оснований для уголовной ответственности нет. Не случайно, по-видимому, в ст. 25 УПК РФ указывается, что основанием прекращения уголовного дела в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, является заявление потерпевшего, а положения ст. 76 УК РФ содержат условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон. Между ст. 28 УПК РФ и ст. 25 УК РФ существуют некоторые различия, например, в части оснований для прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием. Отмеченный закон не предусматривает оснований прекра-

щения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, а указывает на ст. 75 УК РФ, где эти основания закреплены.

В заключение необходимо отметить, что проблема согласованности норм материального и процессуального уголовного права в современный период является актуальной, требующей дальнейшей теоретической разработки с целью совершенствования законодательной техники рассматриваемых норм. Принцип законности должен охватывать и взаимодействие уголовного закона со смежными отраслями права, служить основой их согласованности, фундаментальной базой.

Таким образом, принцип законности уголовного права предполагает такое его доктринальное толкование, которое позволяет снимать проблемные вопросы согласованности норм, имеющих межотраслевое значение. Это, прежде всего, относится к уголовному, уголовно-процессуальному и уголовно-исполнительному законодательству.

Список источников

1. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М. : Юрист 1996. 320 с.
2. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. 86 с.
3. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2002. 488 с.
4. Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. 370 с.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1999. 620 с.
6. Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы право применения. М., 2002. 178 с.
7. Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002. 246 с.
8. Гаухман Л. Д. Бланкетные нормы УК РФ: проблемы правотворчества и правоприменения // Современное уголовное законодательство России и вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. ст. по итогам науч.-практ. семинара в Московском университете МВД России, посвященного 10-летию принятия УК РФ. М. : Моск. ун-т МВД России, 2007. С. 13–14.
9. Кузнецова Н. Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Москов. ун-та. Сер. 11. Право. 1993. № 4. С. 18.
10. Гаухман В. П. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. 268 с.
11. Якимович Ю. К., Пан Т. Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации. 2-е изд. испр. и доп. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 198 с.
12. Михайловский И. В. Основные принципы уголовного суда. Томск, 1905. 210 с.

References

1. *Criminal law of the Russian Federation. General part* 1996, Lawyer, Moscow.
2. Kelina, S. G. & Kudryavtsev, V. N. 1988, *Principles of Soviet criminal law*, Moscow.
3. Cherdantsev, A. F. 2002, *Theory of state and law*, Moscow.
4. Malinovsky, A. A. 2002, *Comparative jurisprudence in the field of criminal law*, Moscow.
5. Naumov, A. V. 1999, *Russian criminal law. General part: course of lectures*, Moscow.
6. Zagainova, S. K. 2002, *Judicial precedent: problems of legal application*, Moscow.
7. Filimonov, V. D. 2002, *Principles of criminal law*, Moscow.
8. Gaukhman, L. D. 2007, 'Blank norms of the Criminal Code of the Russian Federation: problems of law-making and law enforcement', in *Modern criminal legislation of Russia and issues of combating crime: collection of scientific articles based on the results of scientific seminar at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, dedicated to the*

10th anniversary of the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation, pp. 13–14, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.

9. Kuznetsova, N. F. 1993, 'Codification of norms on economic crimes', *Bulletin of Moscow University, Series 11 Law*, iss. 4, p. 18.

10. Gaukhman, V. P. 2001, *Qualification of crimes: law, theory, practice*, Moscow.

11. Yakimovich, Yu. K. & Pan T. D. 2004, *Pre-trial proceedings under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*, 2nd edn, Law Center Press, St. Petersburg.

12. Mikhailovsky, I. V. 1905, *Basic principles of the criminal court*, Tomsk.

Информация об авторе

К. А. Сыч – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

K. A. Sych – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 07.11.2024; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 24.07.2025.

The article was submitted 07.11.2024; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication 24.07.2025.